

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

ЭТО было в селе Подклетном, под Воронежем. Он подошел к нему под вечер, но сразу заходить не стал, а направился в поле, что-то ища, потом посидел в рощице — там до сих пор сохранились следы окопов — и лишь потом вошел в село и попросился переночевать в клубе. Там после киносеанса его и задержали на предмет выяснения личности. Милиционер придирчиво изучил документы, куда-то еще позвонил и, убедившись, что перед ним писатель, сказал, стараясь скрыть смущение:

— Писатель... Писатели книги пишут, а не бродяжничают...

Ну, что касается книг, то их у Федора Сухова вышло уже восемнадцать, хотя, конечно, не количеством напечатанного определится место человека в литературе. Но то, что Федор Сухов действительно писатель, поэт, сейчас доказывать никому не нужно — стихи лучше любого документа удостоверяют личность автора. Если, конечно, стихи настоящие, например, такие:

Эти горести и эти беды,
Этот покидаемый причал...
Радость завоеванной Победы
И ее великая печаль.

Возложу печаль свою
на камень,
На безмолвно стынущий
гранит,
Снова повстречаюсь
с землянами
Возле наших сельских
пирамид.

Что снажу я?
Что я прогололю?
Бедная, не шевелись, трава,
Неубитому, живому горю
Не нужны убитые слова.

...Я вот думаю, как неточны бывают наши критические определения, например такие, как «поэты фронтового поколения» — кто они? Казалось бы, ясно: те, кто прошел войну, сформировавшись в ее огне как поэт. Но вот Федор Сухов себя к фронтовому поколению не относит, хотя воевал с сорок второго по сорок пятый и стихи свои впервые увидел напечатанными в армейской газете, и первую премию на конкурсе имени А. Фадеева в 1971 году получил за поэму «Былина о неизвестном солдате». А о боях вспоминать не любит, ибо главное, что он вынес из них, — чувство ненависти к войне:

— Ведь это самое страшное, что только может быть с человеком. Скажем, стихийное бедствие, наводнение там или извержение вулкана — от них можно как-то спастись, защититься, убежать. А на войне человек не от огня — в огонь должен идти...

Вот по тем местам, где старшему лейтенанту Сухову и его боевым товарищам не раз приходилось идти в огонь, и прошел через двадцать лет после войны поэт Федор Сухов — от Воронежа до Бобруйска. Три года, вернее, три лета — шел он своими фронтовыми дорогами, и это было хождение по незажившим ранам души. Например, в том же Подклетном в братской могиле лежат его боевые товарищи — Чернышов, Зайка, Вол-

ков и другие, фамилии которых Сухов сообщил местным краеведам, а те — родным и близким павших, но не забытых воинов.

А разве забудет он деревню Ивница, где его подразделение, всего одиннадцать бойцов, выдвинувшись далеко вперед, ночью неожиданно столкнулось с расположившимися там немцами и вступило в неравный бой. Враги приняли их за партизан и утром сделали то, что обычно делали в таких случаях с партизанскими деревнями, — сожгли ее дотла.

И узнать это было страшнее, чем столкнуться «лоб в лоб» с фашистскими танками. А такое тоже случалось, ведь он был на фронте броневой бойцом, с противотанковым ружьем, а потом с 76-миллиметровой пушкой пройдя от Воронежа через Курскую дугу и Польшу до немецкого города Барта, где встретил Победу.

Но до нее еще нужно было дойти...

Войны прошел немалый срок. Печаль и радость мы познали, Мы отступали на восток, Родных и близких покидали. Нам не забыть эти места, Где мы друзей похоронили, Сирень увядшая грустна. На своей памятной могиле... Тревога шла по проводам, Металась в каждом женском

И знал ли кто тогда, что нам Придется драться

в Сталинграде? И знал ли, ведал наш народ, Простой солдат

и житель каньей, Что там, над Волгою, взойдет Заря Победы долгожданной.

Мы стоим над Волгой, на ее правом крутом берегу, с которого как на ладони видно село Красный Оселок — родина Ф. Сухова, и поэт на память читает мне свое стихотворение — первое, которое он увидел напечатанным 14 апреля 1944 года в газете 1-го Белорусского фронта «Красная Армия»:

Обратный путь,
путь он тяжел,
Но разве кто из нас забудет,
Как мы вступали в Курск,

в Орел,

Как нас встречали

наши люди.

Как девушки по деревням

Цветы бросали нам в машины,

Как что-то ласковое нам

Сказали те девушки спешили,

Как с хлебом-солью

у крыльца

Старухи, старики стояли

И проходящего бойца

В опасный путь

благословляли.

Благословенный,

трудный путь,

Солдатский путь пальбы

и славы.

Но разве кто когда-нибудь

Забудет бой за переправы

На кручах старого Днепра,

Где наша молодая сила

Как бы ударом топора

К Победе двери отворила.

И, не задерживаясь тут,

Опять пошла по Украине,

Не забывая, что нас ждут

И за Днестром, и на Горыни.

Ждут Гродно, Вильно,

Белосток,

Ф. Г. СУХОВ. Фронтовая фотография.

Как города другие ждали. Ведь мы, шагая на восток, Сюда вернуться обещали.

— Все верно, так и было, — говорит Сухов, — а стихи оригинальные, потому что навеяны другими — Симонова, Твардовского... Я-то сам не отступал и на Горыни не был... Стихотворение не конкретно, надо было писать о той жизни, о тех событиях, которые со мной самим и вокруг меня происходили, а в ту пору я не мог еще так писать... Тут одна, может, хорошая строчка есть: «Тревога шла по проводам». Но, конечно, когда я впервые увидел свое стихотворение напечатанным, это была радость, какой я никогда больше не испытывал.

Да, такое может вспомнить, наверное, каждый, чьи слова были напечатаны. Но Сухов радовался скромно: на неизбежные в таких случаях вопросы и расспросы отвечал, что стихи не его, а какого-то однофамильца, — стеснялся... А может быть, сыграло роль его боевое крещение 10 июля 1942 года на станции Узень под Воронежем, куда их, новоиспеченных лейтенантов, сразу из пехотного училища привезли в короткий перерыв между бомбежками. Дым, гарь, огонь, а у Сухова — чемодан книг.

— Вы что, в Гранд-отель приехали? — напустился на него комбат.

Сухов не знал, что такое Гранд-отель, но ответил четко, как положено:

— На фронт, товарищ капитан!

— На фронте с чемоданами не воюют, товарищ лейтенант! Сдайте в обоз сейчас же!

Каково было сдать кому-то книги человеку, который за сто

с лишним верст ходил в Горький пешком, чтоб сэкономить деньги на них? Но — сдал, у войны свои законы...

— Там я впервые разочаровался в поэзии, — вдруг говорит Сухов.

Я недоумеваю:

— Как так — разочаровался?

— Я думал, что стихи даются только чистым людям — ну вот как Пушкин, Есенин... А тут сбрасывают вдруг на нас фашисты листовки, а там... стихи. Я был поражен: как же так, ведь это ж не немец пишет, как же может предатель стихи писать?..

— Ну, вряд ли это были стихи. Так, нечто зарифмованное...

— Конечно, но все-таки трудно было разобаться сразу. Я и Есенин-то стал глубоко понимать уже в зрелые годы, хотя еще в седьмом классе товарищ дал его книгу всего на одну ночь. Но я до сих пор все стихи оттуда могу наизусть читать, так они меня потрясли, настолько у него все органично и зримо. Вот, скажем, иду я по горе, смотрю на Волгу и вижу: «И кажется с тропы далекой — вода качает берега», — ведь, правда, кажется? Для меня все образы у него понятны. Вот спрашивал я у многих, не только поэтов, но и литературоведов, в чем смысл образа:

В тихий час,
когда заря на крыше,
Как нотенон, моет ладкой рот,
Говорит кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром

сот.

Что за «соты»? Никто не может ответить.

— И я не знаю.

— А это, смотри, в берегах гнезда стрижей в таких норках, и они поют, как орган. Все верно — водяные поющие с ветром соты. Или вот такой образ:

Уж на нашесте громко

заиграл

В куриную гармонику петух.

Это из «Пугачева» — что за «гармоника»? Надо в деревне родиться, чтобы знать: куры сидят на насесте рядом, одна к одной, как пуговицы на гармошке, а петух всегда с краю, никогда он в середину не сядет. И когда он начинает петать, то как будто играет, значит, в эту самую «куриную гармонику». Все из жизни, все из фольклора, я уж не говорю про такие строки: «Ковригой хлебною под сводом надломлена твоя луна», — это ж загадка «Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка». Какое богатство у нас в народной речи! И уж коли оно есть, то его надо не только знать, но и охранять. А мне мои товарищи некоторые — писатели! — пишут: «Будь в Болдино», «Был в Переделкино»... Или у нас на пристани объявляют: «Пароход идет до Бармино». Почему перестали склонять исконно русские названия? Слишком много нахлынуло иностранных несклоняемых слов типа «кино», «пальто», так много, что перестали склонять свои родные. А ведь наш язык — изумительный, ни у какого другого европейского нет такого свободного ударения, что для поэзии бесценно.

...Между прочим, когда я приехал к Сухову, он читал стихи Владислава Броневского — на польском языке; на полке стояло немецкое издание Гёте, еще что-то... И это в селе, до которого пришлось от большака топтать по раскисшему проселку около часа... «Так я всю Польшу на брюхе пропачкал, — заметил мое удивление хозяин дома, — да и в Германии год после войны комедантом был...» Так что о родном языке он говорит с полным знанием дела, полученным не только и не столько в Литинституте:

— Наша азбука весьма совершенна. Немцы, англичане приспособили себе латинскую, но смотри, что получается: у немцев, скажем, есть звук «ш», а буквы приходится писать три: «sch». Есть «ч» — четыре буквы: «tsch». А в нашей славянской азбуке все органично. Я с детских лет помню стихи, вычитал в какой-то хрестоматии XIX века:

Святители Русской земли,
Святые Кирилл и Мефодий,
Вы свет лучезарный зангли
В великом славянском народе.

И я не понимаю, зачем, скажем, в Курске названия улиц дублировать еще и латинскими буквами? В Лондоне же их по-русски не пишут... Зачем употреблять слово «дискутировать» вместо «спорить», «реставрировать» вместо «восстанавливать»? Даже в статьях о чистоте русского языка канцелярские обороты попадаются, а ведь они тоже калки с иностранного... И вот кто из писателей действительно радеет за чистоту родного языка, так это Василий Белов, у него настоящая русская проза...

Я знал, что Сухов сам пишет сейчас прозу, и спросил у него: не для того ли он прошел по местам, где воевал, чтоб собрать материал для книги? Оказалось, нет. Не замысел позвал его в дорогу, а дорога породила мысль описать увиденное и пережитое. «Хождение по своим ранам» — так он назвал книгу своих воспоминаний. Она была принята к печати и стояла в плане издательства «Советская Россия», но потом...

— Я понял, что ошибся, — рассказывает Федор Григорьевич, — не так надо было писать, и взял рукопись обратно. То были просто документальные воспоминания, можно сказать, протокольные. Сейчас я знаю, что, кроме документальности, книга должна быть еще и художественной. Не для занимательности — мемуары крупных военачальников тоже читаются с огромным интересом. В них — мозг войны, действия фронтов, армий или по меньшей мере дивизий и полков. А я хочу показать ее кровь и пот, свою, солдатскую правду о войне — ту, которую знаю.

— И как теперь будет называться эта книга?

— «Ивница».

Святослав ПЕДЕНКО
село КРАСНЫЙ ОСЕЛОК,
Горьковская обл.